

Глава 15. Ранний завтрак

— Цинь Сян, помоги смениться в дорожное.

Небо еще не посветлело, как из внутренних покоев донесся голос Чжао Ляня, зовущего служанку.

— Ванье, до мао-часа еще целый час, не лучше ли вздремнуть еще немного?

Заступившая на дежурство во вторую половину ночи Цинь Сян поспешила на зов, услышав это.

— Нет, встаю, буду повторять книги.

Цинь Сян с понимающей улыбкой проворно принялась помогать Чжао Ляню переодеваться.

Все в резиденции знали, что сегодня утром прибудет князь Наньчжэн. Еще вчера ванье наказал пораньше сменить одежду и умыться, но кто бы мог подумать, что он поднимется среди ночи, задолго до рассвета.

Закончив умываться, Чжао Лянь сразу направился в кабинет.

Ночью в кабинете не прекращали топить теплые полы, ведь маленькая рыбка, привезенная из монастыря Юньань, теперь обитала здесь.

Прежде на низком столике у кушетки стоял скромный чистый кувшин, но теперь ваза исчезла, а вместо нее половину столешницы занимал керамический аквариум.

На стенках сосуда тушью была нарисована сцена рыбной ловли пожилого человека, а маленькая рыбка безмятежно пускала пузыри.

Чжао Лянь бросил взгляд на резвую рыбку, наугад взял книгу и уселся на кушетку. Почитав едва ли мгновение и не уловив ни единого слова, он отложил книгу.

Поднявшись, он подошел к окну и распахнул его. Мрак еще не рассеялся, но рассвет уже наступил: в небе висел изогнутый серп убывающей луны, а одинокая утренняя звезда ярко сияла на небосводе.

Предположив, что с нравом Жуань Чаоцина тот в такую рань еще и не думал просыпаться, Чжао Лянь набрался терпения, вернулся на место и снова принялся листать бессмысленную книгу.

Читая рассеянным взглядом и кое-как дойдя до оглавления, он наконец дождался Жуань Чаоцина.

Чжао Ляню показалось, что он прождал целую вечность, хотя на самом деле прошло всего две чжи, и когда он, отворив дверь, выглянул наружу, край неба только-только начал сереть.

— Чего это ты поднялся так рано? Завтракал?

В кабинете они были вдвоем, не было даже прислуживающих служанок. Едва переступив порог, Жуань Чаоцин швырнул принесенный с собой ларец с едой на столик у кушетки и вальяжно уселся на другом конце мягкого ложа.

— Немного почитал, до обычного часа завтрака еще далеко.

Чжао Лянь сидел напротив Жуань Чаоцина и с мягкой улыбкой смотрел на него.

— Вот и отлично, тогда составь мне компанию!

Жуань Чаоцин проворно открыл ларец, достав сперва верхний ярус с сяолунбао и миндальным чаем, а следом — молочно-белые, нежные рисовые пирожные с лилиями.

— Это я купил в уличной лавке, они еще горячие, попробуй. — Говоря это, Жуань Чаоцин налил пиалу миндального чая и поставил перед Чжао Лянем, а оставшуюся большую часть перелил себе, разом сделав глоток, от которого шумно задышал и зашипел: так обжигал чай.

Видя, как Жуань Чаоцин пренебрегает всякими манерами, Чжао Лянь оставил мысль позвать кого-нибудь за ложками — раз уж они завтракают в кабинете, к чему соблюдать столько условностей.

Поднеся миндальный чай к губам, Чжао Лянь подул на него и сделал маленький глоток: во рту разлился сладковатый и нежный вкус. И пусть чай не отличался той густотой, что готовили на кухне резиденции, в нем было больше домашнего вкуса.

— Верно, — Жуань Чаоцин вдруг опустил пиалу, засунул руку за пазуху и вытащил сверток из белой ткани. — Во многих лавках кончился османтусовый мед, пришлось выпрашивать горсть изюма у господина Хэ.

Чжао Лянь воочию наблюдал, как Жуань Чаоцин развернул белый узелок, являя миру желтовато-зеленые изюминки.

В столице все знали о том, как сильно господин Хэ дорожит своей женой. Слышно было, что госпожа Хэ как раз носит ребенка, и это самое тяжелое время для нее, а весь изюм, что

господин Хэ собирал по разным особнякам, предназначался для пробуждения ее аппетита.

То, что Жуань Чаоцин смог выпросить целую горсть, тоже говорило о его сноровке.

Впрочем, Чжао Лянь не счел это удивительным: дав другу лишь мельком взглянуть, Жуань Чаоцин высыпал весь изюм прямо в миндальный чай Чжао Ляня.

Глядя на плавающие в пиале ягоды, Чжао Лянь понял, что теперь без ложки обойтись точно не удастся.

Жуань Чаоцин уплетал еду с быстротой осеннего ветра, сметающего опавшую листву. К тому моменту, когда слуга принес Чжао Ляню ложечку, тот уже прикончил большую пиалу миндального чая вместе с большей частью сяолунбао и теперь полулежал на кушетке, блаженно вздыхая.

— Ик! —

Издав сытый отрывистый звук, Жуань Чаоцин развалился поодаль, но рука его уже медленно тянулась к пирожным с лилиями на столике.

— Что ты делаешь? — Чжао Лянь поднял глаза от пиалы, в упор глядя на руку Жуань Чаоцина.

— Ем! — Жуань Чаоцин ничуть не смутился его взгляда, самовольно утащил одно пирожное и, усмехнувшись, покосился на него. — Ишь как за еду трясешься, какой же ты жадный! Съем у тебя один кусочек, в следующий раз десять верну.

Чжао Лянь искоса глянул на него и вернулся к миндальному чаю.

В два счета умяв пирожное, Жуань Чаоцин в одно мгновение вскочил на ноги, подсел ближе к Чжао Ляню и вполголоса осведомился:

— Алянь, у тебя тут нет лишней чернильницы? Подари мне одну.

Пальцы Чжао Ляня, державшие ложечку, чуть сжались, но лицо осталось беспристрастным:

— Есть, чуть позже я велю отправить ее к тебе.

— Да не нужно. — Жуань Чаоцин выпрямился, подхватил стоявший рядом чайник и плеснул чаю в пиалу под рукой Чжао Ляня. — Я сам с собой заберу, сегодня вечером унесу.

Еще чего не хватало, эта вещица нужна была ему для подмены, если посылать со слугами —

провал обеспечен!

Стоило обжигающему дыханию отдалиться, как пальцы Чжао Ляня разжались, и он кивнул:

— Тогда поищи в кабинете сам, какую приглядишь — ту и бери.

Полгода назад Жуань Чаоцин тайком проник в Резиденцию князя Ци и преподнес в дар маленького снежного человечка, который стоял на коленях прямо на чернильнице. На следующий день Чжао Лянь рассмотрел ее: та чернильница была работой великого мастера прошлой династии, прославляемой под именем Чернильницы «Возвращение журавля», и ученые мужи с литераторами оспаривали друг у друга право обладать ею.

И только такой неотесанный чурбан, как Жуань Чаоцин, мог запросто сдернуть ее со стола в кабинете старшего господина Жуаня, чтобы лепить с ее помощью снежки. Если бы в тот день, когда он отправился к старшему господину Жуаню играть в шахматы, он не объяснил старику обстановку и не подарил чернильницу еще лучше, Жуань Чаоцин наверняка был бы жестоко бит за такое баловство.

Догадавшись о намерениях Жуань Чаоцина, Чжао Лянь не стал ни разоблачать его, ни говорить лишнего, продолжая попивать миндальный чай и наблюдая, как тот роется в шкафах и ящиках.

— Эта неплоха, беру себе.

Схватив чернильницу с вырезанными на ней летящими ласточками, Жуань Чаоцин возбужденно направился к Чжао Ляню. Он помнил, что на той украденной в прошлый раз чернильнице тоже красовалась птица, так что с этой он точно не прогадал.

Водрузив чернильницу на низкий столик, Жуань Чаоцин вновь безвольной куклой опустился на кушетку и, глядя на неторопливо трапезничающего Чжао Ляня, почему-то не находил его движения медлительными, а напротив, счел их по-своему утонченными и приятными глазу.

Когда Чжао Лянь закончил есть и снова поднял взгляд, Жуань Чаоцин уже задремал, полуприкрыв глаза на мягком ложе.

Бросив взгляд на небо за окном, где день еще не успел по-настоящему рассвети, а до времени катания на льду было далеко, Чжао Лянь набросил на Жуань Чаоцина заготовленный в кабинете мягкий плед и присел рядом, вглядываясь в его черты.

Под глазами Жуань Чаоцина залегли тени — то ли он толком не сомкнул глаз ночью, то ли слишком рано поднялся ради приготовления пирожных. Сейчас он спал в его кабинете без малейшей тени смущения, и хотя прошло всего несколько мгновений, казалось, что он уже погрузился в глубокий сон: глаза крепко зажмурены, пухлые губы чуть приоткрыты, разве что

не храпит.

Чжао Ляню стало смешно; он на цыпочках отодвинул столик подальше, чтобы тот не ударился спросонья, ворочаясь.

Посидев так еще немного, Чжао Лянь поднялся и вышел из кабинета.

— Вели прибрать в кабинете, а пирожные с лилиями оставь, я вернусь — доем, — идя впереди, распорядился Чжао Лянь, обращаясь к шедшей следом Су Лань. — Шаги делайте тише... Помогите сменить одежду на верховую.

Кажется, он не садился в седло уже года два-три; раз уж сегодня выдался выезд, надо было повеселиться на славу!

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/21017/2136604>